красно опишетъ чувство любви или злобы, встрѣчу Іосифа съ братьями или драку съ товарищемъ».

Предметами сочиненій выбирались сами собою описанія событій, отношенія къ лицамъ и передача слышанныхъ разсказовъ. Писать сочиненія было любимымъ занятіемъ. Какъ только внѣ школы старшимъ ученикамъ попадалась бумага и карандашъ, они писали изъ головы сказки своего сочиненія. Скоро они сами стали собственными критиками: были недовольны, когда сочиненіе товарища было растянуто или встрѣчались частыя повторенія, скачки отъ одного къ другому. У нихъ оказались свои опредѣленные вкусы. Иной мальчуганъ отказывался читать свое сочиненіе, говоря, что прочитанное сочиненіе другого, какого-нибудь его товарища, было лучше, чѣмъ его, и когда сочиненія читались анонимно, мальчики безъ ошибки угадывали автора.

Толстой приводитъ два образчика сочиненій Ѳедьки, десятилѣтняго мальчика, и показываетъ на нихъ, насколько лучше было его описаніе поѣздки въ Тулу сравнительно съ описаніемъ конкретнаго предмета.

Вотъ что онъ написалъ «о хлѣбѣ»:

«Хлѣбъ растетъ изъ земли. Сначала онъ зеленый бываетъ хлѣбъ. А когда она подрастетъ, то изъ ней вырастутъ колосья, и ихъ жнутъ бабы. Еще бываетъ хлѣбъ какъ трава, то скотина его ѣстъ очень хорошо». Этимъ все кончилось. Онъ чувствовалъ, что нехорошо, и былъ огорченъ, но лучшаго написать не могъ.

Вотъ что онъ написалъ о поѣздкѣ въ Тулу:

«О Тулѣ». «Когда я еще былъ малъ,—мнѣ было годовъ пять, то я слышалъ, народъ ходилъ въ какую-то Тулу, и я самъ не зналъ, что за такая Тула. Вотъ я спросилъ батю. Бать! въ какую это Тулу вы ѣздите? ай она хороша? Батя говоритъ: хороша. Вотъ я говорю: бать! возьми меня съ собой, я посмотрю Тулу. Батя говоритъ: ну, что жъ, пусть придетъ воскресенье, я тебя возьму. Я обрадовался, сталъ по лавкѣ бѣгать и прыгать. Послѣ этихъ дней пришло воскре-